

IX вв. посвящены статьи А.Н. Саливона «Ободриты. Некоторые вопросы общественно-политического строя» и «К вопросу об образовании народности ободритов» [Саливон, 1979; 1981], в которых автор, привлекая, среди прочего, свидетельства немецких летописцев Гельмольда и анонимного Баварского Географа, а также немецкий археологический материал, обобщает историческую картину расселения и общественной жизни славян.

Таким образом, традиционно в немецкой и русской историографии в основном внимание уделялось изучению различных сторон жизни и культуры древней славянополабской этнической общности, истории христианизации и феодализации территорий славян за Эльбой и Салой. При этом хронологические рамки ограничивались временем от заселения славянами северонемецких земель, т.е. V–VI вв., до периода немецкой колонизации, XII–XIII вв., гораздо реже — до XV–XVI вв. [Donat, 1995: 10–16; Schmidt, 1995: 23–30]. Проблемы славяно-германского синтеза в сфере материальных и духовных форм культуры, неизбежно возникавшего в ходе этнических процессов, имевших место в зоне постоянных многовековых этнокультурных контактов, прежде всего процессов насильственной и естественной ассимиляции, редко получали освещение.

С 1990-х гг. благодаря инициативе и сотрудничеству профессора А.С. Мыльникова с исследователями проекта «*Germania Slavica*» границы научного направления проекта были расширены «от области языкового контакта до поля взаимодействия культуры в самом широком смысле» [Любке, 1994: 97]. В проект было решено ввести новое — этнографическое — направление, а в 2000 г. в работе проекта «*Germania Slavica*» приняли участие и российские ученые — сотрудники отдела европейстики Кунсткамеры, проводившие двухмесячные полевые исследования в деревнях Северной Германии.

Гипотезы об исчезновении полабских славян

Ученые-слависты в своих трудах неоднократно рассматривали различные теории, которые служили объяснением процессов, происходивших в Северной Германии на рубеже XII–XIII вв., причин полной замены одного этноса другим на территории Мекленбурга.

Начиная с XVI в. ученые развивали «теорию завоевания», сыгравшую важную роль в историографии XIX в. Суть ее заключалась в шовинистическом делении всех народов на народы-господа и народы-рабы, одним из которых надлежало властвовать

над более слабыми, другим — подчиняться. Одним из сторонников такой теории был профессор университета Вроцлава К.Ф. Фабрициус.

Другим взглядом на проблему быстрой колонизации и онемечивания славян в Мекленбурге была гипотеза «германских остатков» или «исконного германства» приэльбских славянских земель, где германцы и в эпоху славян составляли большинство. Этим объясняется быстрая деславизация земель. Из этой гипотезы выросла теория «исконного германства» (Urgermanentheorie), приверженцами которой были Л. Гизебрехт, Ф. Болль, И.В. Бартольд.

Исследователи Вильгельм Шварц и Адальберт Кун, представляющие фольклористическое направление, объясняли быструю германизацию полабских земель следующим образом. На основе собранного ими фольклорного материала А. Кун и В. Шварц доказывали исконное германство северонемецких земель. Фольклористическая теория была подвергнута Д.Н. Егоровым критике вследствие односторонности. Наличие общеевропейских, а не только общегерманских сюжетов и мифологических персонажей доказывает лишь факт сохранения в полабских землях наряду со славянами элементов германского этноса, поэтому естественно, что рудименты древнегерманских языческих представлений имеют место в мекленбургском фольклоре [Егоров, 1915, 2: 252].

Теорию «полного искоренения» представлял немецкий публицист Генрих Эрнст, который также занимался исследованием колонизации Мекленбурга в XII–XIII вв. Позиция Эрнста характерна для историографии его времени: на нее оказали влияние политические и националистические идеи. Интересно, что противоположный, но также не лишенный националистической окраски взгляд на проблему сформулирован русским ученым А. Павинским в его труде 1871 г. «Полабские славяне в борьбе с немцами VIII–XII вв.». В этой работе также отразился дух времени и неприязнь ученого к немецкой нации, обусловившие его прославянский взгляд, гипотезу «успешной славизации немецких областей в ответ на германизацию славянских» [Павинский, 1871: 68].

В науке конца XIX в. существовала и так называемая «теория национальных характеров», предопределяющих историю. В связи с вопросом о славяно-германских отношениях эпохи колонизации она может быть сформулирована следующим образом. Характер славян отличается, наряду со многими положительными качествами, наличием антисоциальных и антигосударственных черт, вследствие которых они не смогли противостоять напору более организованного и сплоченного немецкого этноса, в

результате чего славянство в Германии сошло с исторической арены. Такую точку зрения разделяли чешский славист Йосиф Первольф («Германизация балтийских славян», 1876) и отчасти Гильфердинг. Теория национальных характеров подробно дискутировалась и была подвергнута критике [Егоров, 1915, 1: 260–263].

Известный немецкий историк, профессор Берлинского университета Леопольд фон Ранке (1795–1886), занимавшийся историей германских и романских народов, предложил еще одну теорию — миграционную. Согласно его гипотезе, немецкая колонизация земель восточнее Эльбы являлась лишь одним из этапов непрекращавшегося процесса стихийного переселения народов, различные периоды активности которого составляют этническую историю человечества. Несмотря на то, что Ранке оказал существенное влияние на немецкую историографию второй половины XIX в., эта теория не имела последователей.

Д.Н. Егоров выдвигает следующую гипотезу: германизация (в полном смысле этого слова) не идентична процессу заселения, начавшемуся в XIII в., т.е. колонизации. Автор считает, что славяне в XII–XIV вв. сыграли важную роль в колонизации. В то же время германизация — сложный и очень длительный процесс, причины которого имеют комплексный характер: переход Мекленбурга к более тесным культурным и экономическим взаимоотношениям с Западом, оторванность местных славян от основного восточного ареала славянства, от корней, постепенное проникновение немецкого уклада жизни в славянскую среду [Егоров, 1915, 2: 601].

Другой ученый — тайный архивариус великого герцога Мекленбург-Шверинского Ханс Витте — в монографии «Wendische Bevölkerungreste in Mecklenburg» («Остатки вендского населения в Мекленбурге», 1905) рассматривал три различные версии исчезновения славянства в Северной Германии: теория «германских остатков», теория германизации и теория истребления. Последняя концепция признавала полное покорение славян немецкими феодалами и последующее уничтожение остатков славянского населения в Мекленбурге путем истребительных войн, в результате чего количество оставшегося славянского населения было столь незначительно, что не заслуживало внимания [Witte, 1905: 10–11]. Критикуя приверженцев двух последних теорий, Витте соглашается с их последователями в том, что славянский элемент остался на территории Мекленбурга и был германизирован, а следовательно, остались и элементы народной культуры славян, интегрировавшиеся в немецкую национальную культуру.

Позднее вышла в свет монография Отто Лауффера «Нижненемецкая этнография», посвященная этнографии Северной Германии, в которой ученый поддержал эту мысль. По мнению Лауффера, население нижненемецких земель правого берега Эльбы по историческим причинам имеет иное этническое происхождение, нежели жители старосаксонских частей левобережной Эльбы. Среди населения восточного берега Эльбы обнаруживается значительный славянский элемент. Этим, по мысли ученого, обусловлены менталитет и локальное самосознание, а также многие особенности материальных и духовных форм культуры. Влияние коренного населения земель, подвергшихся колонизации, было столь велико, что сформировавшийся новый немецкий субэтнос значительно отличается от населения прилежащих земель, граничащих с регионом на юге и востоке. Таким образом, можно говорить о своеобразном нижненемецком (северонемецком) субэтнотипе [Lauffer, 1917: 15].

Этот вывод немецких историков лег в основу славистических исследований в Германии, продолженных российским ученым А.С. Мыльниковым, который высказал свое мнение на проблему исчезновения славянства в Германии. Славянополабский элемент принял непосредственное участие в формировании современного северонемецкого субэтноса. Эта точка зрения противоречит большинству традиционных взглядов немецкой этнографии XIX–XX вв. Этнические процессы миграции и смешения образуют одну из универсальных культурно-исторических закономерностей, поэтому не бывает этнически «чистых» народов. Напротив, в процессе развития этносы постоянно возникают, существуют и прекращают свое существование, перетекая в новые этносы. В процессе вечного движения, тесно связанного с этнической миксацией, не возникает внезапно и не исчезает бесследно ни один этнос, тем более его культура, но передает свое культурное наследие в той или иной форме последующим этносам. Культура выступает как средство передачи культурно-исторических традиций, причем важную роль здесь играет наряду с этническим территориальный фактор. Этнокультурные традиции не исчерпываются самими этническими общностями, поскольку вследствие миграционных процессов и этнической миксации на одной территории в различные исторические эпохи могут существовать различные этносы. Из этого следует, что культурно-исторические традиции, сформировавшиеся на данной территории, могут иметь не только моноэтнический, но и полиэтнический характер, обогащаясь при помощи инновации, заимствований и использования элементов материальных и духовных форм культуры предшествующего этноса. Этническое

самосознание как основной показатель принадлежности к определенному этносу с течением времени может объективизироваться через различные формы культурной деятельности (фольклор, обрядность, типы жилых и хозяйственных построек, способы традиционного производства). Такая ситуация особенно характерна для этносов, ассимилируемых и постепенно теряющих самостоятельное этническое существование [Мыльников, Новик, Иванова, 2002: 144–145].

Вопрос длительности сохранения славянополабской этнической общности в Северной Германии

Давно установлено, что следы славянского населения прослеживаются в немецких городах на территории Мекленбург — Передняя Померания в археологических находках и по письменным источникам гораздо позже XII–XIII вв. Темпы немецкой колонизации не были одинаковыми повсеместно, и потому длительность сохранения славянского элемента неодинакова в различных землях Северной Германии. Процесс этнической ассимиляции протекает различными темпами у народов с родственными и неродственными, далекими языками [Бромлей, 1988: 10]. В историографии полабских славян по-разному решался вопрос о длительности сохранения славянского населения в Мекленбурге и о времени его полного исчезновения с этнолингвистической карты Германии.

Мекленбургский историк Петер Донат пришел к выводу, что ободриты были относительно рано завоеваны германской нацией и включены в состав Священной Римской империи, но еще долгое время сохраняли свою культуру и самостоятельность народной религии. Это произошло в 955 г. при короле Оттоне I, когда князь ободритов и один из предводителей Стойгнев был убит на поле, а другой (исследователь приводит имя Након) предложил сдачу и мир с королем. Однако силы Оттона I в то время были еще недостаточны, чтобы держать вильцев и ободритов в подчинении, и оба племенных союза еще длительное время сохраняли независимость, подчиняясь лишь одному правящему князю. Историк отмечает его важную роль в успешном обращении славян в новую веру, так как после 955 г. в вагском Стариграде (современный Ольденбург) и Мекленбурге были построены церкви. Как известно, строительство христианских святынь на землях ободритов не могло осуществляться без согласия их правителя, пользовавшегося в то время неоспоримым авторитетом в своих владениях. При раскопках около Стариградской (Ольденбургской)

церкви были обнаружены захоронения членов княжеской семьи и приближенных, датируемые серединой X в., совершенные по христианскому обряду, что свидетельствует о том, что к этому времени вагрский князь уже перешел в христианскую веру.

Быстрый переход правящей верхушки в новую веру — нередкое явление в истории. Столь поспешное крещение ободритского князя и быстрое строительство церквей были обусловлены интересами самого князя: с одной стороны, это могло обезопасить его власть и земли от военных конфликтов с германским императором; с другой — создавало ряд преимуществ, в том числе союз с церковной властью, которая могла бы его поддержать в распри с императором и помочь удержать в подчинении ободритов. «Это предположение доказывает тот факт, что после смерти Накона, в 967 г. вспыхнуло восстание вагров, направленное против сына князя, Мстивоя, и растущего влияния церкви, подавленное с помощью немецких властей. Церковь в Ольденбурге была разрушена, и на ее месте воздвигнут идол языческого бога Прове. Здесь прослеживается двойная борьба: борьба против власти князя, которая ассоциировалась и была непосредственно связана с властью христианской церкви; и это вылилось в борьбу с христианским культом за восстановление традиционной языческой веры» [Donat, 1995: 15]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на левом берегу Эльбы, в княжестве Ганновер. Здесь уже в XII–XIII вв. венды из высших сословий полностью ассимилировались и отождествляли себя с немецким этносом и иногда играли ведущую роль в колонизации славянских земель наряду с немецкими феодалами [Lange, 1998: 164].

Довольно долго сохранял независимость от императора Священной Римской империи и оказывал сопротивление власти немецких колонизаторов племенной союз вильцев — восточных соседей вагров и ободритов. Столь же неудачными были попытки христианизации лютичей, по крайней мере, до начала XI в. [Schmidt, 1995: 28]. Племенной союз лютичей являлся самостоятельной, политически организованной общностью с центром в храмовом городе Ретра, где, по свидетельствам историков и современников, находился храм языческого бога Сварожича (Радегаста), до сих пор не локализованный, несмотря на многолетние исследования и раскопки. Власть жреца Сварожича сделала племенной союз лютичей центром язычества и, следовательно, центром славянского сопротивления миссионерской политике и экспансии Оттона I [Donat, 1995: 13]. Долгий и болезненный процесс христианизации, проходивший с переменным успехом, и борьбы населения за Эльбой оставил глубокий след в памяти населения региона и нашел отражение в позднем фольклоре.

Немецкоязычное предание конца XIX в. из области Пенцлина, где предположительно локализуют Ретру, наглядно иллюстрирует события: «Больше не было радостного и безмятежного настроения, как в прежние времена; вендам грозила большая опасность со стороны германской империи, и многие подозревали, что грядет окончательный закат славянства. Часто посланцы евангелической церкви шли походами на землю вендов [Wendenland], но лишь на недолгое время им удавалось силой укротить непокорных под благодатным ярмом Христа, которое те при первой же возможности сбрасывали, убивая в ярости своих укротителей. Еще не так много времени прошло с того дикого восстания против ненавистного ига саксов, когда пролилось немало христианской крови, и вот вновь собирается большой праздник великого Радегаста» [Niederhoffer, 1998: № 135].

Альфред Хаас, изучая историю христианизации Рюгена, сообщает, что в 1168 г., после разрушения датчанами крепости и святилища Аркона — последнего оплота славянского язычества, князь Яромар и его брат Тезслав передают датчанам вторую крепость и святыню рюгенских славян — Коренцу. Яромар I также рано стал приверженцем новой веры: в 1168 г. он был крещен; при нем были основаны крепость Ругард и монастырь в славянском поселении Гора (совр. Берген на Рюгене), сооружена первая церковь в Горе. В 1199 г. им был основан монастырь Эльдена на материковой части Померании — в окрестностях г. Грайфсвальд, куда были переселены беглые монахи монастыря Даргун [Haas, 1918].

С середины XII в. начинается массовое заселение вендских (ободритских) земель Западного Мекленбурга немецкими крестьянами, ремесленниками и торговцами. В Восточном Мекленбурге и Померании немецкое заселение началось относительно поздно, что отразилось в монастырских привилегиях: в 1174 г. цистерцианский монастырь Даргун разрешал поселение на своих землях, кроме немцев и датчан, также славянам. Центральные районы союза племен лютичей были приписаны в XII в. к Померанскому государству, и лишь после 1236 г. началось их активное заселение немцами. Славянские городские центры надрегионального значения сохранили его, получив, однако, другой статус. Сначала вблизи вендских городов и поселений возникали немецкие поселения, как правило, ремесленные центры, и некоторое время славянские города сохраняли свой статус, законно сосуществуя рядом с немецкими. Затем следовало постепенное слияние обоих городских центров в один, где доминировал, конечно, немецкий этнос.

В большинстве работ немецких историков рассмотрение полабских славян как самостоятельного этноса на территории Германии традиционно заканчивается XIII–XIV вв., т.е. двумя веками позже указанного в источниках времени начала немецкой колонизации земель за Эльбой. В частности, мекленбургский историк и филолог, исследователь топонимики Вальтер Нойман рассматривал процесс германизации земель восточнее Эльбы как возвращение немцев на исконные германские земли и прогрессивное движение культурного миссионерства в средневековье [Neumann, 1937, 1]. Основываясь на топонимическом материале по Мекленбургу, он подвергает критике изыскания славянских ученых, касающиеся определения временных границ проживания славян на территории Германии. Основным доводом Ноймана стал факт быстрого изменения процентного соотношения немецкой и славянской топонимики к 1200–1350 гг. В XIII в. число немецких топонимов в Мекленбурге возросло на 70 % — это столетие ученый считает поворотным пунктом в процессе германизации земель за Эльбой. Как большинство немецких исследователей старой школы, В. Нойман придерживался традиционной точки зрения, согласно которой к 1200 г. сложились все предпосылки для колонизации Мекленбурга и XIII–XIV вв. — временные рамки германизации этой земли. Хронологические рамки сохранения полабских славян, указанные Вальтером Нойманом, были неоднократно расширены в более поздних исследованиях славянских и немецких ученых, поэтому нет необходимости опровергать эти положения. Не отрицая ценности исследований В. Ноймана по славянской и немецкой топонимике в Мекленбурге, можно констатировать, что его работы носят определенную идеологическую окраску 1930-х гг.

Традиционно считалось, что на островах славянское население и элементы материальных и духовных форм культуры сохранялись дольше, чем на материковой части земли Мекленбург — Передняя Померания. Это связано с их естественной географической изолированностью от материка, затруднявшей быстрое заселение островов колонистами. Известно, что приблизительно до 1200 г. население острова Пёль в Западном Мекленбурге было полностью славянским. Это обусловлено, во-первых, указанной выше причиной; во-вторых, процесс заселения западно-мекленбургских земель был полностью парализован войнами и смутами после смерти Генриха Льва. Документально установлено, что примерно до первой четверти XIII в. население острова не испытывало воздействия насильственной германизации, которая началась значительно позже и была инициирована князем Генрихом Борвином, который призывал различных предприни-

мателей нанимать колонистов для заселения новых земель [Lembke, 1935: 9–10].

Доктор В. Пецш в книге «Крепостные валы Рюгена и славянская культура остова» (1927) высказывает мысль, что не 1168 г. — год разрушения датчанами крепостей Аркона и Гарц, последнего оплота славянского язычества, — следует считать верхней границей в исследовании славянской культуры Рюгена, а по меньшей мере середину XV в., так как 1450-м (sic!) г. датируется в документах смерть последней женщины на о. Рюген, говорившей на славянском языке. Автор признает, что славянство угадало медленно, в течение веков, и трагедия этого процесса состояла в мирном «заглатывании» славянского этноса и его культуры немецким [Petzsch, 1927: 10–11]. Другие исследователи указывают 1400 г. как приблизительную дату смерти последней носительницы вендского языка, жившую на рюгенском полуострове Ясмунд [Steffen, 1963: 18]. Между тем в померанской хронике Томаса Кантцова, датируемой XVI в., указан 1404 г.: «И в это время умерла одна пожилая женщина по имени Гулитцин (Gulitzin) на Рюгене, которая была последней на этой земле, кто говорил по-вендски. Ибо хотя земля здешняя уже давно немецкая, до сих пор оставалось еще несколько вендов, которые не скоро исчезли» [Thomas Kantzow, 1908: 316].

Если обратиться к собранному Альфредом Хаасом богатому материалу по народным сказаниям и историческим анекдотам из Померании, примечательным оказывается факт, что до первой четверти XVI в. имена упоминаемых легендами померанских герцогов были славянскими: Казимир II, Варцислав I, Яромар I, Богислав (их было 14), Вицлав III и другие. Позже, приблизительно во второй четверти XVI в., в легендах появляются неславянские имена, однако и славянские не исчезают полностью [Haas, 1938].

Немецкий историк Вальтер Онезорге, опровергая теорию искоренения славян в северонемецких землях, собрал все личные имена, которые имели, по его убеждению, славянскую форму, при этом устанавливая автоматически этническую принадлежность их носителей. В Любеке в начале XIV в. он выявил 13 подобных фамилий [Ohnesorge, 1910]. Построения Онезорге были опровергнуты Олофом Алерсом в его диссертации на соискание ученой степени доктора, защищенной в 1939 г. на философском факультете университета Фридриха-Вильгельма в Берлине. Он приводит ряд имен, имеющих славянский облик, прослеживая их по сословным городским спискам и ремесленным статутам Ганзейских городов Германии 1317–1355 гг. Особое внимание исследователя привлекли фамилии-прозвища, которые могли

возникнуть из этнонима. Исследованные Алерсом около ста случаев письменной фиксации фамилий Wend(t) и Slavus показывают, что в XIV–XV вв. это были фамилии либо немцев, либо онемеченных горожан со славянскими корнями. Некоторые из них скрывали свое происхождение и брали немецкие прозвища и фамилии [Ahlers, 1939: 14]. Из этого следует, что, например, в Любеке к XIV в. количество зафиксированных антропонимов уже не соответствует количеству славян. Такая же ситуация реконструируется и для других Ганзейских городов Германии: Гамбурга, Ростока, Люнебурга, Грайфсвальда, Висмара и Штральзунда. Несмотря на достаточно большое число славянских фамилий, встречающихся в городских писцовых книгах, что, несомненно, доказывает славянское происхождение их владельцев, все славяне в городах к началу XIV в. были ассимилированы. Это проявлялось во всех сферах жизни — начиная с языка общения и повседневной жизни и заканчивая профессиональной деятельностью, поскольку немецкое влияние города было сильным [Ahlers, 1939: 27].

Спорным и пока не до конца разрешенным остается вопрос, насколько долго сохранялся славянский элемент в деревенской немецкой среде. Топонимика, в частности ойконимы, гидронимы и некоторые микропонимы, дает информацию о границах расселения славян. Для периода заселения немцами славянских земель отмечается частое образование топонимов одинакового звучания с атрибутивными компонентами Wendisch- / Deutsch- или позже GroЯ / Klein-. Такие топонимы употреблялись для дифференциации находящихся рядом, но разделенных по национальному признаку населенных пунктов. Этот способ образования имени был достаточно продуктивным, что можно считать одним из аргументов в пользу теории германизации: немецкие колонисты пришли на уже обжитые славянами территории и основали свои города либо рядом с уже существующими славянскими, либо на базе последних, приняв и их название. Такие ойконимы, как, например, приведенный Хансом Витте Wendisch-Warnow (поблизости от р. Варнов и г. Росток), могут свидетельствовать, что ко времени немецкого расселения население этого города было славянским [Witte, 1905: 14]. Однако эта информация не дает ответа на вопрос о длительности сохранения славянства в городах.

Примечательны немецкие топонимы Мекленбурга с окончанием на -hagen, обозначающим новые поселения на месте вырубленных лесов. Территория их распространения тянется от побережья Балтийского моря вглубь страны по определенной линии — западнее и восточнее Шверинского озера в южном направле-

нии. Исследователями принята точка зрения, что поселения с названиями на *-hagen*, производные от старого германского корня (наряду с *-rode*, *-leben*, *-hausen*), были основаны немецкими колонистами, поскольку славяне не владели сложной техникой сельскохозяйственной обработки тяжелых лесных почв. Вне зоны распространения этих топонимов немецкие колонисты приходили на уже освоенные славянами земли, о чем говорит славянская топонимика, представленная повсеместно. Таким образом, можно установить области первоначального заселения славян и немцев [Witte, 1905: 15]. В рассматриваемом Вите «Указателе земельных наделов епископства Ратцебург» («*Das Zehntenregister des Bistums Ratzeburg*»), датированном 1230 г., из более чем 321 деревни зарегистрировано свыше 23, обозначенных как славянские (*Slavicum*). Этот факт доказывает, что к середине XIII в. славяне не покинули полностью Мекленбургские земли, как указывал в 1171 г. Гельмольд. Компактные поселения славян в практически нетронутом состоянии находились в 1230 г. в юго-западной части Мекленбурга, занимая земли Ябельхайде, Дарцинг, и образовывали сплошной славянский остров с Ганноверским Вендландом [Witte, 1905: 21].

Ранее историки основывались лишь на вышеупомянутом «Указателе», однако Вите было доказано, что приведенная в нем топонимика недостаточно точно различает деревни по национальному признаку, так как славянскими считаются лишь те деревни, в которых сохранилось древнее славянское право и земельные законы. Однако известно, что и в тех деревнях, что зафиксированы «Указателем» как немецкие, многие жители носили славянские имена и фамилии. Уже к концу XIII в. (1281) среди славянского населения были распространены немецкие имена. Часто они употребляются в документах с латинской приставкой *Sclaus*, что доказывало славянское происхождение их носителей, как в приведенном Вите примере из деревни Кезелов (юго-западнее города Висмар в Западном Мекленбурге) в 1277 г. Кроме того, многие деревни со славянским населением приняли немецкие земельные законы и регистрировались в актах и переписях как немецкие. Это, несомненно, искажает действительность и затрудняет решение вопроса о длительности сохранения славянства на мекленбургской земле [Witte, 1905: 28]. В качестве доказательства наличия славянского населения в том или ином населенном пункте Вите использовал данные о способах обработки земли и системе земельных податей. Земельные наделы в славянских и немецких поселениях различались размерами и податной системой. Если в немецких поселениях подати устанавливались в прямой зависимости от величины надела, то в

славянских сумма была установлена однажды и соблюдалась по традиции. Как сообщал в 1754 г. историк Мекленбурга Давид Франк (1682–1756), славяне получали наихудшие наделы земли и вдвое меньше, чем немцы, а обычная величина немецких наделов (гуфа — die Hufe) колебалась от 7 до 15 га. Эти различия сохранялись в западных районах Мекленбурга вплоть до XVI в. и были уравнены позднее. Витте делает вывод, что в тех деревнях, где по документам прослеживается наличие типично вендского деления земли на наделы, сохранялось и славянское население. Этот факт подкрепляют многочисленные славянские имена [Witte, 1905: 44]. Витте прослеживает в Западном Мекленбурге три сосуществующие аграрные формы: деревни с типично немецкими наделами (гуфы по 7–15 га); деревни с типично славянскими (вендскими) наделами (Sandhufen) и деревни без деления земли на наделы. Две последних формы, по мысли Витте, были связаны с продолжительным пребыванием славянского населения в этом регионе. Отсутствие земельных наделов отражает старую форму ведения сельского хозяйства, характерную для славянских деревень до прихода колонизаторов. Однако, как доказывает ономастический материал, именно в поселениях с типично немецкими земельными наделами дольше всего сохранялся славянский этнос. Еще в XIII в. эти земли населяли славяне, не смешанные с немецкими колонистами.

Ранее, в середине XIX в., издатель ежегодных «Обзрений мекленбургской истории и изучения древностей» Г.К.Ф. Лиш приводит сведения, согласно которым в местности, называемой Gabelheide или Jabelheide, еще в 1526 г. жили венды со своими языческими обычаями и славянским языком. При этом вышеупомянутую область Ябельхайде, или «землю Ябель», исследователь локализовал в пределах деревень Пихер, Куммер, Лоозен, Люббетин, Хогенвос, Тесвос, Филанк, Брезегуре, Люббendorф, Йезар, Ябель, Бенц, Фольцраде, Йессениц, Требсе, Рамме и Бельш. Лиш сделал заключение, что Ябельхайде является той областью Мекленбурга или даже всей Северной Германии, где дольше всего сохранялся славянский этнос. Годом позже Лиш провел исследования письменных источников и сообщений хронистов XVI в., в частности Николауса Маршалка Тирия, в результате чего пришел к выводу, что в начале XVI в., около 1521 г., в области Ябельхайде вендский язык еще не полностью вышел из употребления, а в 1514 г. упоминалась славянская одежда. Кроме вышеперечисленных фактов, Лиш использовал в качестве доказательства не исчезнувшую до нашего времени широко распространенную в Мекленбурге фамилию Wendt, возможно, в прошлом этноним [Lisch, 1837: 177]. Столь долгое сохранение

остатков славянского этноса в западной области Мекленбурга Лиш объясняет относительной замкнутостью населения и отсутствием крупных городов и этнических контактов с соседними немцами [Lisch, 1836: 8].

На основе архивных источников и отдельных работ, в том числе упомянутой работы Г. Витте, Д.Н. Егорову еще более отодвинул верхнюю хронологическую границу сохранения славянского элемента в Германии. Окончательной точкой в завершении этого процесса, по его мнению, стала Тридцатилетняя война (1618–1648), в результате которой после разрухи и опустошений северо-восточные немецкие земли нуждались в заселении, т.е. в новой колонизации, которая на этот раз совпала с германизацией [Егоров, 1915, 2: 601]. Следует указать на спорность этой точки зрения, неоднократно подвергавшейся критике в немецкой историографии [Neumann, 1937: 1–7], однако, несомненно, Тридцатилетняя война была потрясением для всего населения Северной Германии. За три десятилетия военной распри по землям Северной Германии прошло огромное количество пришлого народа: солдат иностранных армий, беженцев. Таким образом, коренное население, в том числе славянского происхождения, было сильно разбавлено выходцами из других немецких земель в результате большого притока переселенцев в опустевшие дворы. Интересно, что отголоски воспоминаний о последствиях войны сохраняются в народной памяти населения Юго-Западного Мекленбурга в виде преданий (отчасти известных по литературе) и в конце XX в.: подобные «воспоминания» приходилось слышать во время экспедиции 2000 г.

Германизация славянских земель по обе стороны Эльбы шла быстрыми темпами. Городские общины, формировавшиеся повсеместно в Мекленбурге и Нижней Саксонии, были оплотом германского населения, влияние которого на славянские земли приморских равнин и население сельской местности было неоспоримо большим. Раньше всего процесс поглощения одного этноса другим отражается в языке: языковые контакты приводят к билингвизму, когда сосуществующие в сознании их носителей языки начинают влиять друг на друга. Результат этого процесса — языковая интерференция: изменение подчиненного языка, появление заимствований на разных языковых уровнях и последующее вытеснение одного языка другим. Следствием сужения области применения славянского языка до семейного круга и бытовой сферы через несколько поколений стало практически полное его исчезновение. По сообщениям летописей из деревень Нижней Саксонии, после окончания Тридцатилетней войны вендский язык стал исчезать из обихода. Кроме кратких вокабуляриев и не-

скольких вариантов записи вендского «Отче наш», памятников на этом языке не сохранилось*. И не могло сохраниться, поскольку нередко городские власти препятствовали переселению в города сельского (=вендского) населения и получению образования, а следовательно, формированию слоя интеллигенции этого национального меньшинства, который, как правило, создает письменность и литературу. В самом деле, потребность в знании немецкого языка была велика. Сознательное принятие и усвоение официальной религии и языка ассимилируемым этносом в городах — распространенное явление в истории, вспомним, к примеру, аналогичные факты из истории балканских народов, оказавшихся покоренными Османской империей. Переход на официальный язык, смена конфессиональной принадлежности и подчинение прочим требованиям власти, как правило, даровали соответствующие привилегии, которые существенно облегчали жизнь. Известно, что в северонемецких городах в XII–XIV вв. ремесленники и представители других сфер деятельности предпочтение отдавали немецкому населению, а в XIV в. в городских уставах появился специальный «Параграф о вендах» (Wendenparagraf), который запрещал переселение вендов из деревни в город, получение ими права гражданства, членство в ремесленных цехах и занятие ремеслами. Ярким примером служат записи, сделанные практически на каждой странице городской писцовой книги города Ляхова (1680), в которых переселенцы из сельской местности клянутся, что они рождены немцами, а не вендами (Илл. 37). В сообщении об обычаях Вендланда по итогам визитации 1671 г. сообщалось, что «всем вендам запрещено в присутствии священника говорить по-вендски» [Wendischer Aberglaube, fol. 6a: 116].

Тем не менее на этом история славянства в Германии не закончилась. В земле Ганноверского Вендланда за Эльбой, непосред-

---

* Записи отдельных слов и связанных текстов дравенополабского языка относятся к XVII – первой половине XVIII в. Наиболее ранним памятником дравенополабского языка считается текст «Отче наш» с комментариями Лейбница 1691 г., немногим позже появились однотипные вокабулярии Бортфельда, Домайера, некоего Анонима, а также список вокабул инспектора Люнебургского дворянского лицея Йоханнеса Фридриха Пфеффингера, который был опубликован И.Г. Экхартом под названием «Vocabularium Venedicum» в 1717 г. Самым полным и значительным источником считается «Vocabularium Venedicum» пастора Кристиана Хеннинга из Вустрова (начало XVIII в.), черновик которого ныне хранится в библиотеке университета г. Вроцлава (Бреслау), а отдельные экземпляры — в библиотеках Ганновера, Геттингена, Целле, Вольфенбютеля и Стокгольма. Последний из известных источников — текст «Отче наш», записанный от некоего «люнебургского венда» Самуэлем Буххольцем в 1753 г. [Olesch, 1992: 99–100].

редственно примыкающей к упомянутой области Ябельхайде, судя по имеющимся свидетельствам, славянский элемент сохранялся еще дольше — до первой четверти, а по некоторым данным, до конца XVIII в. Например, известно, что еще в 1700-х гг. в вендландских деревнях было принято отмечать праздники католического церковного календаря на языческий лад — в пьянстве и чревоугодии [Lange, 1998: 161]. Следующий значительный шаг в ограничении сферы употребления вендского языка в Вендланде — школьный устав Данненберга 1700-го г., согласно которому, отныне учреждались школы в сельской местности, где в качестве обязательного предмета вводился немецкий язык. Школы курировались местными протестантскими пасторами, задачей которых было привлечь сельскую молодежь в лоно церкви и христианской немецкой культуры. В свою очередь, молодежь все больше отказывалась от употребления родного языка, считая его проявлением невежественности и грубого вкуса [Lange, 1998: 161, 164]. Пастор Кристиан Хеннинг из Вустрова сообщал, например, что в начале XVIII в. в дравенополабском языке понятия «человек благородного происхождения» и «немец» обозначали одним словом, а слово «вендский» было тождественно понятию «простолюдинский» [Schulz, 1991: 30].

Одним из последних вендландцев, для которых вендский язык был родным, считается знаменитый Йоханн Парум Шульце (1677–1740), деревенский староста-самоучка из деревни Зютен. Этот крестьянский интеллигент оставил ценнейшее наследие — «Хронику Вендланда деревенского старосты Йоханна Парума Шульце», написанную в первой половине XVIII в.* Сочинение Парума Шульце представляет собой хронику событий, преступлений, пожаров, описание праздничной культуры и обычаев вендландских деревень первой половины XVIII в. Так, в 1722 г. Йоханн Парум Шульце сообщает: «В лето 1640 молодые люди из каждой деревни собрались вместе и в пьянстве несколько дней праздновали, и многие потом по соседним деревням бегали и выпрашивали у тамошних людей колбасы и яйца; а однажды целых две или три таких шайки прибежали в одну деревню и там вендские песни пели и такой шум учинили, будто все порушить хотели» [Die Wendlandchronik, 1991: 62]. Староста приводит интересные сведения относительно богослужений и прихожан старой церкви в угодье Зольст-Йей: «Когда пастор читал проповедь, так они только звон слышали, но они ничего из того не понимали <...> А о писании они вообще ничего не знали. В остальном же знали

---

* Оригинал хроники был утерян, сохранилась лишь копии 1794 г., выполненная по заказу графа Потоцкого во время его визита в Люхов и находящаяся ныне во Вроцлаве.

они католические молитвы девы Марии по-вендски» [Die Wendlandchronik, 1991: 64]. В знаменитой главе под названием «Я предпринял себе в это лето 1725 написать для грядущих поколений о вендском языке...» Йоханн Парум Шульце пишет: «Я мужчина сорока семи лет. Когда я и еще трое из нашей деревни умрут, никто, наверное, уже не будет больше знать, как называют собаку на языке вендов. В Тридцатилетнюю войну все здесь уже говорили по-немецки» [Die Wendlandchronik, 1991: 99]. Эти сообщения — живая хроника жизни последних вендов Ганноверского Вендланда, своеобразная автобиография. Следует сказать, что Йоханн Парум Шульце написал свою хронику по-немецки, хотя грамматика его сочинения свидетельствует о том, что немецкий не был для него родным языком. Текст хроники пестрит грамматическими ошибками, лексическими неточностями и не немецкими конструкциями, что исследователь хроники доктор Карл Ковалевский характеризует как «проблемы вербализации мысли нашего хрониста», вызванные иной языковой принадлежностью [Kowalewski, 1991: 5].

Спустя тридцать лет пророчество Йохана Парума Шульце сбылось: в церковной книге деревни Вустров в 1756 г. была зафиксирована смерть 88-летней крестьянки Эмеренц Шульце из деревни Долгов. О ней сообщалось: «Эта пожилая вдова была последней из тех, кто совершенно умел говорить и петь по-вендски, по причине чего ей велено было явиться пред очи Его королевского величества наших все милостивейших государей в Гёрде, дабы они сей язык из ее уст могли слышать» [Schulz, 1985: 168]. К более позднему времени относятся сведения, приведенные Г.К.Ф. Лишем, согласно которым в некоторых деревнях округа Люхов около 1780 г. жило еще десять пожилых людей, которые умалчивали о своем славянском происхождении; между собой они разговаривали на каком-то своеобразном языке, который также тщательно скрывали и сообщили о нем лишь по настоянию пастора. Язык их состоял из смеси немецких и славянских слов [Lisch, 1836: 8], записи его позже были воспроизведены в сочинении «Slovanka» корифея славянской филологии, деятеля чешского просвещения Йозефа Добровского (1753–1829), опубликованного в 1814–1815 гг. в Праге.

Письменные фиксации дравенополабского языка XVIII в. отмечаются в деревнях Кремлин, Зютен и Кленнов. В активном употреблении язык сохранялся в это время в деревнях Кюстен, Бюлитц, Бреезе, Затемин, Долгов, Кленце, Вольтерсдорф и Ребенсдорф. В остальных деревнях Ганноверского Вендланда свидетельства о славянах, их языке и обычаях относятся лишь к XVII в. [Die Wendlandchronik, 1991: 100–101].

Вопрос о причинах долгого сохранения славянополабской общности в некоторых областях германского мира занимал многих ученых. Так, Александр Гильфердинг указывает следующие причины долгого сохранения славянского элемента в Ганноверском Вендланде. Этот первоначально немецкий берег Эльбы в восточной части Ганноверской земли имел естественные географические границы на западе: гряду каменистых и глинистых холмов, топи и густые непроходимые леса, которые препятствовали дальнейшему продвижению славянских племен на запад. Этот уголок славянской земли был окружен природными границами, которые помогли славянам сохраниться здесь дольше, чем в других местах Германии, в период немецкой колонизации. Кроме того, одной из причин долгого сохранения славянами Вендланда этнических особенностей Гильфердинг считает политические взаимоотношения славянского населения и немецких властей в Вендланде: «Если ободриты, вагры и поморские славяне боролись с немецкими колонистами за независимость и жестоко истреблялись ими вместе со славянским языком и культурой, то славяне западного берега Эльбы не участвовали в войнах против немцев, а выступали даже на их стороне и считались мирными земледельцами, спокойно доживавшими свой век в глухих деревнях». Благодаря этому там дольше, чем где-либо на бывших славянских землях, сохранялся язык и народная культура славян, и, по свидетельству Гильфердинга, «славянская речь сохранилась у них до конца прошлого столетия [XVIII в. — Ю. И. Б.], и до сих пор [конец XIX в. — Ю. И. Б.], даже после утраты языка своего, они отличают себя от окружающих немцев, сами осознают себя особым племенем Вендов» [Гильфердинг, 1874: 316]. Сорбы побережья реки Заале, утратив язык, еще в конце XIX в. помнили о своем славянском происхождении.

Сходной точки зрения придерживается современный немецкий этнограф Йоахим Швебе, исследовавший культуру и обычаи современного немецкого населения области Дравени (Drawehn), расположенной на левом берегу Эльбы (Ганноверский Вендланд). Швебе считает, что, помимо естественной изолированности территории, обусловленной географическими условиями (горный массив Дравен на западе и Эльба на востоке), особую роль в «долготривалости» вендских традиций сыграла искусственная изолированность самих жителей региона от соседних немецких графств и марок. Венды относились к политике германизации лояльно и не оказывали жестокого сопротивления власти колонизаторов, заключая договоры о подданстве; *de jure* подчиняясь императорской власти, *de facto* сохраняли свою народность.

Примечателен также факт, что в процессе колонизации славянских земель немцы обходили Вендланд, здесь не были обра-

зованы маркграфства, как на соседних территориях ободритских племен, а те немногочисленные немецкие деревни, что были основаны в Вендланде, существенно не повлияли на культуру и быт соседних славянских деревень. Славяне во все времена держались обособленно, стараясь не заключать браков с представителями соседних немецких земель. Таким образом, из-за практически полного отсутствия межэтнических контактов славянское население Вендланда долго оставалось неассимилированным, сохраняя ментальные, культурные и поведенческие особенности, свойственные славянскому этносу [Schwebe, 1960: 1–2].

Процесс христианизации Вендланда был мирным, строительство церквей и монастырей в Лüneбурге, Ульцене и Ольденштедте не встретило препятствий, однако интересно отметить тот факт, что в вендландских круглых деревянных церквях или часовнях обычно строили не на центральной площади, а на окраине или за пределами селения, а в период Реформации начала XVI в. в Люхове, по свидетельству Хильдебрандта (1672 г.), в церковном ритуале сохранялись элементы католического богослужения в сочетании с народной обрядностью [Schwebe, 1960, 9]. Кроме того, Вендланд в свое время входил в состав Ганноверского герцогства (Kurfürstentum Hannover), глава которого, курфюрст Георг Людвиг, как известно, в 1714 г. стал английским королем. Интерес к сохранявшимся в Вендланде остаткам полабских славян был официальным и, как писал в 1672 г. визитатор, оберсуперинтендант Йоахим Хильдебрант, диктовался соображениями престижа власти, подданными которой являются не только немцы, но и другие народы: «К чести государя, когда его верховенство признают народы, различающиеся по языку и нравам, и потому этим вендам вновь было приказано употреблять свой родной язык» [Keyssler, 1741: 1165–1167].

Причины длительного сохранения вендов в Ябельхайде следует искать в необычных природных условиях и связанных с ними особенностях ведения хозяйства. Бедные, неплодородные земли сделали Ябельхайде непривлекательным для основания здесь в XIII–XIV вв. немецких поместий; лишь небольшое их число располагалось в окраинных областях региона. Основную часть поселений на пустоши Ябельхайде составляли крестьянские деревни, фактически сохранявшие самостоятельность, что послужило причиной консервации старых этнических традиций. Эту точку зрения разделяют и ученые-этнографы [Kupfer, 1957: 120], и такие северонемецкие писатели, участники патриотических движений конца XIX в., как Йоханнес Гильхофф и Фритц Ройтер (подробнее см. в разделе «Итоговые размышления»).

Ученые середины XX в. также изучали ситуацию длительного совместного проживания двух этносов. Они пришли к следующему

выводам. Указывая на первую половину XVII в. как на верхнюю временную границу компактного проживания славян в Вендланде, Й. Шведе сделала вывод о проявлении полабогерманского этнокультурного синтеза в виде рудиментов славянских верований в вампиров и связанных с этим суеверий в представлениях пожилых немецких крестьян Вендланда [Schwebe, 1961: 238–252]. Более того, Йоахиму Шведе удалось найти четверых пожилых людей в д. Зальдератцен, Шрайан и Кёлен, которые в середине 50-х гг. XX в. в повседневной речи употребляли слова вендского языка для обозначения дикорастущих ягод. Так, земляника (нем. Erdbeer) называлась *ъаонаиуи*, *ъанаиуи*, а малина (нем. Himbeer) — *тулaine*, *мулainte*, или *молеinten*. Садовые культурные растения при этом обозначались немецкими словами [Аудиотека МАЭ РАН, № А–2–20]. Отрицательные последствия для сохранения славянского этноса ученый также связывает с Тридцатилетней войной. Те дворы и деревни Вендланда, что были разорены и опустошены за время войны (около половины селений), уже не могли быть заселены славянами, и потери населения восполнялись за счет притока немецкого населения. «Процесс уравнивания, который продолжается и в настоящее время, привел к фактическому упадку славянства в Германии, а отделение Вендланда от других родственных территорий политическими границами и внедрение современной техники и механизация производства приводят к полной ассимиляции остатков славянской народности в Вендланде», — считает ученый [Schwebe, 1960: 10].

Экспедиция Лейпцигского этнографического музея в 1956 г. в юго-западную область Мекленбурга — Ябельхайде — также собрала интересные данные, позволяющие более тщательно исследовать проблему длительности сохранения славянского населения в этой области. В некоторых селениях Ябельхайде пожилые люди сообщали, что их предки рассказывали им о жителях, говоривших на вендском языке, или что они лично знали таких людей. Еще в 50-е гг. прошлого века некоторые деревни в обиходной народной речи называли «вендскими», некоторым обычаям и привычным действиям из повседневной жизни, смысл которых давно утрачен, приписывали «вендское» происхождение [Kurfer, 1957: 120–121].

Таким образом, в тех местах Западного Мекленбурга и Ганноверского Вендланда, где Г.К.Ф. Лиш и Х. Витте в XIX в. установили факт наиболее длительного сохранения вендского населения, в середине XX в. сохранялась народная память об этом — отчасти в преданиях, отчасти в особых формах культуры и бытовой жизни, которые сложились в процессе взаимопроникновения этих двух этнических групп.